

НЕ ОХЛѢВЪ ЕДИНОМЪ
БЪДЕТЪ ЖИВЪ
ЧЕЛОВѢКЪ.

КОМУ ЦЕРКОВЬ НЕ
МАТЬ ТОМУ
БОГЪ НЕ ОТЕЦЪ.



ЦЕРКОВНОЕ СЛОВО

ИЗДАНИЕ

БРАТСТВА ВСЕМИЛОСТИВАГО

СПАСА

СВ. СТЕФАНЪ
ВЪ ПЛЪЦ. ЦЕРКОВСКИЙ.

Цѣна съ перес.
за годъ 2 руб.,
за 3 мѣсяца
50 коп.
Цѣна отд. № 5 и.

№ 120
(Мартъ).
1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
ВЪ РЕДАКЦИИ
Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей
и въ канцелярии
ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНІЕ: Постъ.—Святое православіе. * *. Поклоненіе Кресту Христо-
ву.* *. Для чего и кому нужны православные монастыри?—Дивный пастырь.
(О случаяхъ прозорливости о. Іоанна Кронштадтскаго). Геромонаха Нео-
фита.—Матеръ милосердія. Геромонаха Неофита.

Прилагается къ Вслог. Епарх. Вѣдомостямъ **БЕЗПЛАТНО.**

ПОСТЪ.



Постъ постъ тѣлесный, какъ видимъ; есть постъ и душевный. Тѣлесный постъ есть, когда чрево постится отъ пищи и питія: душевный постъ есть, когда дуня воздерживается отъ злыхъ помысловъ, дѣлъ и словъ. Изрядный постникъ есть, кто удерживаетъ себе отъ блуда, прелюбодѣянiя и всякiя нечистоты. Изрядный постникъ есть, кто воздерживаетъ себе отъ гнѣва, ярости, злобы и мщенiя. Изрядный постникъ есть, кто наложитъ языку своему воздержанiе, и удерживаетъ его отъ празднословiя, сквернословiя, бусловiя, клеветы, осужденiя, лести, лжи и всякаго злорѣчiя. Изрядный постникъ есть, кто руки свои удерживаетъ отъ воровства, хищенiя, грабленiя, и сердце свое отъ желанiя чужихъ вещей. Словомъ, добрый постникъ есть, кто отъ всякаго удаляется зла. Видишь, христiанине, постъ душевный. Полезенъ намъ постъ тѣлесный, яко служитъ намъ ко умерщвленiю страстей; но постъ душевный неотмѣнно нуженъ такъ, что и тѣлесный постъ безъ него ничтоже есть. Многiе постятся тѣломъ, но не постятся душою; многiе постятся отъ пищи и питiя, но не постятся отъ злыхъ помысловъ, дѣлъ и словъ, и какая имъ отъ того польза? Многiе постятся чрезъ день и два и болѣе, но отъ гнѣва, злопомнѣнiя и мщенiя поститься не хотятъ; многiе воздерживаются отъ вина, мяса, рыбы, но языкомъ своимъ людей, подобныхъ себѣ, кушаютъ, и какая имъ отъ того польза? Суть такiе, которые часто не касаются руками снѣдей, но тья простираютъ на мздоимство, хищенiе и грабленiе чуждаго добра, и какая имъ отъ того польза? Истинный бо и прямой постъ есть воздержанiе отъ всякаго зла. Аще убо хочещи, христiанине, чтобы тебѣ постъ полезенъ былъ: то, ностися тѣлесно, постися и душевно, и постися всегда. Якоже убо налагаенъ постъ чреву твоему: наложи злымъ мыслямъ и прихотямъ твоимъ. Да постится умъ твой отъ суетныхъ помышленiй; да постится память отъ злопомнѣнiя; да постится воля твоя отъ злаго хотѣнiя; да постятся очи твои

отъ худаго видѣнія: *отврати очи твои, еже не видѣти суеты*; да постытся уши твои отъ скверныхъ пѣсней и шептаній клеветническихъ; да постытся языкъ твой отъ клеветы, осужденія, кощунства, лжи, лести, сквернословія и всякаго празднаго и гнилаго слова; да постытся руки твои отъ біенія и хищенія чуждаго добра, да постытся ноги твои отъ хожденія на злое дѣло. *Уклонися отъ зла, и сотвори благо.* (Пс. 33, 15). Се есть хрістіанскій постъ, каковаго Богъ нашъ отъ насъ требуетъ. Покайся убо, и воздерживая себе отъ всякаго злаго слова, дѣла и помышленія, поучайся всякой добродѣтели, и будеши всегда предъ Богомъ постытися.

(Изъ твореній св. Тихона Задонскаго).

СВЯТОЕ ПРАВОСЛАВІЕ.

Сія есть побѣда, побѣдившая міръ, вѣра наша. (1 Іоан. V, 4).

Ничто такъ сильно, такъ убѣдительно не доказываетъ истинность православія, какъ та чудная побѣда, которую одержало оно надъ міромъ.

На зарѣ хрістіанства знаменитый учитель апостола Павла, Гамалиилъ, *уважаемый всѣмъ народомъ*, хотя іудействующій ¹⁾, но чуждый крайностей фарисейства, такъ сказалъ своимъ братьямъ о гонимыхъ уже хрістіанахъ и хрістіанствѣ: *говорю вамъ, отстаньте отъ людей сихъ и оставьте ихъ; ибо если это предпріятіе и это дѣло—отъ человѣковъ, то оно разрушится, а если отъ Бога, то вы не можете разрушить его; берегитесь, чтобы вамъ не оказаться богопротивниками.* (Дѣян. V, 38—39).

Замѣчательная истина! Послѣдующая исторія хрістіанства вполне подтвердила ее. Кто только не возставалъ противъ хрістіанства?

Его преслѣдовали іудеи. Они нещадно гнали хрістіанъ, избивали и побивали камнями. Но не въ силахъ было іудейство одолѣть хрістіанства. Еще болѣе кровавую войну объявило хрістіанству сильное господствующее язычество, войну не на животь, а на смерть. Язычники задались пѣлю стереть съ лица земли всѣхъ хрістіанъ, а съ ними уничтожить и хрістіанство. Язычники императоры предлагали хрістіанамъ на выборъ—мученія до смерти или отреченіе отъ хрістіанства. Земля обагрилась хрістіанскою кровію. Но *кровь эта была сѣменемъ хрістіанства*,

¹⁾ По преданію, впоследствии онъ обратился ко Христу и былъ погребенъ въ саду Іосифа Аримаѣйскаго близъ гроба Господня. *Е. II.*

которое давало новые ростки и приносило обильные плоды по своему роду. Последний император-гонитель, заслуживший въ исторіи позорное имя Отступника—Юліанъ, умирая на полѣ брани, предпринятой имъ прежде объявленнаго уже *уничтоженія хрістіанства*, въ сознаніи своего безсилія, говорилъ міру, какъ бы продолжая и подтверждая рѣчь Гамаліила: „Ты побѣдишь, Галилеянинъ“...

Но здѣсь не конецъ борьбы хрістіанства. Побѣдивъ внѣшнихъ враговъ, оно должно было выдержать не менѣе сильную борьбу съ своими внутренними врагами, возросшими на почвѣ самого хрістіанства. Враги эти—еретики и борьба *хрістіанства* съ ними превращается въ борьбу *православія*. Одни изъ еретиковъ отрицали *предвѣчное рожденіе* Сына Божія и Его *единосущіе* съ Богомъ Отцомъ. Другіе хулили Святаго Духа, именуя Его *тварію*, созданною Отцомъ и низшею Сына. Третьи отрицали Божество Сына Божія. Четвертые не признавали человѣческой природы въ Іисусѣ Христѣ, или признавали ее только *призрачною, кажущуюся*. Пятые признавали во Іисусѣ Христѣ при двухъ естествахъ одну волю. Шестые иконопочитаніе считали идолопоклонствомъ. Трудно даже и пересчитать всѣ роды человѣческихъ заблужденій... Но православіе восторжествовало и надъ внутренними врагами.

Наконецъ, и еще одну побѣду и также побѣду великую одержало хрістіанство. Оно перевоспитало міръ, сообразно съ новымъ своимъ ученіемъ, измѣнило людей. Жестокихъ и кровожадныхъ хищниковъ оно превратило въ мирныхъ и кроткихъ людей. Если до пришествія Христова царили въ мірѣ вражда и ненависть, угнетенія и порабощенія, то съ воплощеніемъ Сына Божія *люди опытно* познали истину, что Богъ есть *любовь* (1 Іоан. IV, 16), что всѣ люди—братья во Христѣ и должны любить другъ друга, что не вражда и ненависть, а миръ и любовь должны связывать сердца людскія, что ученики Христовы—ученики любви и что любовь есть отличительный признакъ всѣхъ послѣдователей Христовыхъ...

Поразительный примѣръ такой перемѣны, такого перевоспитанія въ людяхъ мы встрѣчаемъ въ лицѣ перваго русскаго князя—хрістіанина великаго и равноапостольскаго Владиміра. Какимъ жестокимъ человѣкомъ былъ онъ въ язычникахъ! Сколько варварски покорилъ онъ народовъ. Сколько разрушилъ городовъ до основанія! Сколько имъ было человѣческой крови пролито... Но какъ неузнаваемо измѣнился онъ въ хрістіанствѣ?!

Изъ жестокаго и кровожаднаго завоевателя превратился онъ въ мирнаго, кроткаго князя, заботившагося вмѣсто бранной славы „о строѣ земляномъ“, т. е. объ устройствѣ земнаго быта своихъ подданныхъ. Вмѣсто военной добычи онъ самъ сталъ обильно раздавать милостыню. Вмѣсто разрушенія и уничтоженія онъ

сталъ созидать храмы Божіи и заботиться о духовномъ просвѣщеніи своего народа...

Такова великая побѣда хрістіанства.

Въ первую недѣлю св. Четырдесятницы Церковь совершаетъ торжество православія.

Среди этого торжества Церковь ублажаетъ вѣрныхъ чадъ, своихъ поборниковъ и защитниковъ и отлучаетъ отъ своего общенія всѣхъ измѣнниковъ и отступниковъ...

На этомъ торжествѣ естественно и всякому хрістіанину испытать свою совѣсть, къ которому классу людей онъ можетъ отнести себя? Вѣрный и послушный онъ сынъ Церкви или непокорный? Всѣ-ли завѣты матери-Церкви соблюдаетъ онъ, или нѣкоторые нарушены и забыты? Хрістіанинъ онъ по жизни, или только по имени?

Не пора-ли и всѣмъ намъ возстать отъ сна грѣховнаго. *Ночь убо прейде, а день приближися* (Римл. XIII, 12).

Потщимся-же, прежде чѣмъ совершится надъ нами праведный судъ Божій, пока милосердіе Божіе не затворило предъ нами своихъ вратъ...

* * *

ПОКЛОНЕНІЕ КРЕСТУ ХРІСТОВУ.

Вѣрнымъ чадамъ своимъ, подвизающимся подвигомъ поста и молитвы, св. Церковь, на самой срединѣ поприща св. четырехдесятницы, предлагаетъ подкрѣпить себя силою Креста Хрїстова.

Кто не позналъ немощи человѣческой?.. Вотъ, добрый хрістіанинъ достигъ уже середины своего пути... Естественно ему ослабѣть, утомиться. А конца еще не видать.

Чѣмъ же покрѣпить себя, какъ не силою Креста Хрїстова? Ради нашего спасенія подъялъ Хрїстосъ Крестъ Свой.

Каждому изъ Своихъ послѣдователей завѣщаетъ Онъ въ Евангеліи, ради своего спасенія, слѣдовать за Нимъ и нести малый свой крестъ въ сравненіи съ великимъ Его Крестомъ. А если крестоносецъ изнеможетъ подъ бременемъ своего креста, то Спаситель призываетъ слабого держаться за Его крестъ великій и тогда Онъ повлечетъ за Собою Своего послѣдователя, какъ малая ладья влечется силою корабля великаго.

Исполняемъ-ли мы, братья, завѣщаніе Спасителя нашего? Стараемся-ли, въ своемъ изнеможеніи, находить себѣ благодатную помощь подъ сѣнію Креста Хрїстова? Поклоняемся-ли *подножію Его, яко свято есть?*

Да, мы почитаемъ великую хрістіанскую святыню. Объятые благоговѣніемъ, мы падаемъ ницъ предъ древомъ крестнымъ и со слезами лобызаемъ его. Мы осѣняемъ себя крестнымъ зна-

мениемъ. Мы носимъ изображеніе Распятаго на своихъ персяхъ.

Но, братіе, мало этого почитанія. Это только *несеніе вѣнчанаго креста*. Есть крестъ внутренний. Онъ сплетается изъ нашихъ увлеченій, слабостей, пороковъ. Онъ слагается изъ борьбы съ низменными, чувственными инстинктами и съ духовными пороками и страстями. Несемъ-ли мы этотъ крестъ? Крестъ духовныхъ соблазновъ, искушеній, паденій и востаній?!

На это можетъ отвѣтить только наша совѣсть. Этотъ крестъ тяжелѣе наружнаго. При несеніи сего креста особенно требуется сила крестная, почерпаемая у подножія Креста Христова. Потому-то церковь и предлагаетъ доброму путнику, шествующему путемъ царскимъ, подкрѣпиться этою силою...

Крестъ Христовъ—это чудное древо, которое обрѣли евреи въ пустынѣ; оно усладило горькія воды Мерры.

Крестъ Христовъ—это благодатное сѣннолиственное древо, подъ которымъ ищутъ отдохновенія и прохлады путники, шествующіе въ Ханаанъ небесный.

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко, и святое воскресеніе Твое славимъ!

....

Для чего и кому нужны православные монастыри?

(Продолженіе).

Записки монахини Иларіоны Лихаревой.

I.

„Три года душа моя стремится къ исполненію того, къ чему только теперь рѣшаюсь приступить: возобновить въ памяти моей и записать незабвенные дни и годы, прожитые мною близъ дорогаго старца, отца Иларіона.

Немного ихъ было, увя! По волѣ Божіей, скоро я лишилась отца и благодѣтеля души моей... Робѣю, приступая къ такому трудному дѣлу—изъяснить на бумагѣ то, что почти необъяснимо: какъ, бывши низринута въ пропасти грѣховныя, погибала душа, погибало тѣло; чувствовала и скорбѣла о своей гибели, но силъ не было выпутаться самой изъ сѣти мірской жизни. Господь, Который видитъ сердце человѣка и его произволеніе, видѣлъ и мое стремленіе къ освобожденію и послалъ мнѣ спасителя, отца и покровителя.

Чтобы понятнѣе было то, что я хочу выразить въ своихъ запискахъ, начну краткую, насколько возможно, біографію свою. Если, вѣроятно, придется краснѣть мнѣ, при воспоминаніи о прежней моей безобразной жизни, за то я найду утѣшеніе въ томъ, что обличая свою грѣховность, тѣмъ болѣе выясняю силу благодати, данную моему старцу.

Родилась я въ городѣ Т. отъ родителей благородныхъ и довольно знатнаго рода. Хотя отецъ мой не имѣлъ огромнаго состоянія, но жилъ въ полномъ достаткѣ, содержалъ большое семейство—насъ было семеро—и далъ даже болѣе чѣмъ приличное воспитаніе; не падали ничего, чтобы дать намъ и хорошее образованіе.

Я была въ семействѣ вторая. Насколько помню сама,—а то послѣ и моя мать говорила,—съ ребячества я была красива собою и въ дѣтствѣ красотою обращала на себя вниманіе многихъ. Воспитаніе дано было намъ строгое. Отецъ былъ характера суроваго; боялись мы ужасно.

Семейство наше пользовалось уваженіемъ, и всѣ находили, что мы получили хорошее нравственное воспитаніе.

Я рано стала сознавать свою красоту, и съ годами во мнѣ начало развиваться кокетство. Мнѣ нравилось, что замѣчаютъ мою наружность. Еще съ двѣнадцати лѣтъ, помню, я уже замѣчала, кому нравлюсь и это меня весьма утѣшало. Чувство это было, конечно, глубоко во мнѣ скрыто: отецъ, какъ я уже говорила, былъ весьма строгъ; да и по годамъ мало было случаевъ развиться этой страсти нравиться.

Наконецъ, минулъ мнѣ шестнадцатый годъ. Уроки еще продолжались, но старшую мою сестру и меня уже стали изрѣдка вывозить на вечера. Сестра моя была не хороша собою, и это еще болѣе выказывало мое превосходство. На погибель ли мою такъ дѣлалось, но я подчасъ сама удивлялась, что стоило мнѣ только куда показаться, какъ меня уже окружала толпа поклонниковъ, и я, несмотря на свои юные годы, болѣе чѣмъ искусно умѣла завлекать ихъ и смѣяться надъ ними.

При такихъ данныхъ, мнѣ недолго было найти себѣ подходящую партію.

Къ намъ въ городъ пріѣхалъ случайно по своимъ дѣламъ Александръ Николаевичъ Лихаревъ. Человѣкъ онъ былъ извѣстный, богатый, свѣтскій, красивый, ловкій. Онъ былъ крупнымъ помѣщикомъ Тульской, Рязанской и Симбирской губерній; воспитывался въ Пажескомъ Корпусѣ одновременно съ Государемъ Александромъ Николаевичемъ и былъ ему лично извѣстенъ, какъ по Корпусу, такъ и по службѣ въ гвардіи. Лихаревъ увидѣлъ меня на балу у губернатора, и я ему сильно понравилась, а онъ мнѣ еще болѣе. Мудрено ли было понравиться пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ?.. Лихарева мало знали въ Т., и о немъ ходили разные слухи: кто говорилъ, что онъ богатъ; другіе—что проигравшійся картежникъ. Всѣ, конечно, замѣчали, какъ онъ неотступно всюду слѣдовалъ за мною; нашлись даже люди, которые стали предостерегать отца моего о томъ, что Лихаревъ имѣетъ обычаи въ каждомъ городѣ, гдѣ поживетъ, выбирать себѣ невѣсту, а затѣмъ подъ какимъ-нибудь предлогомъ взять да уѣхать, покинуть

свою нареченную. Отцу очень не нравилось ухаживанье за мной Лихарева, и сколько разъ доводилъ онъ меня до слезъ, отказывая ему отъ нашего дома. Три мѣсяца продолжалась эта исторія; наконецъ, Лихаревъ сдѣлалъ мнѣ формальное предложеніе. Отецъ долго колебался; онъ прямо говорилъ мнѣ, что счастья нельзя ждать отъ такой партіи, что я, какъ дитя, не знаю ни свѣта, ни людей, что у Лихарева только оболочка блестящая, а что для семейной жизни онъ негоденъ—пустой человѣкъ; многое и другое въ томъ же родѣ говорилъ мнѣ мой отецъ, но никакія слова, никакія убѣжденія на меня не подѣйствовали: я стояла упорно на своемъ; да и Лихареву я, видно, серьезно нравилась, потому что онъ усиленно хлопоталъ устроить нашу свадьбу.

Наконецъ, родители согласились; и тутъ пошла обыкновенная жизнь счастливыхъ влюбленныхъ. Лихаревъ былъ одинъ сынъ у матери; состояніе было хорошее, родство знатное; воспитаніе самое свѣтское, утонченное. Тогда мнѣ все это представлялось въ ослѣпительномъ блескѣ, и только теперь я поняла, что этимъ внѣшнимъ блескомъ прикрывалась одна пустота и тщеславіе... Жениху нравилось во мнѣ тоже одно только внѣшнее—моя счастливая, какъ принято говорить, наружность. Онъ и самъ мнѣ неоднократно высказывалъ:

— „Хочу“,--говорить онъ: „чтобы жена моя была лучше всѣхъ“.

Можно себѣ представить, какое дѣйствіе эти слова производили на склонность мою къ кокетству: самъ мой будущій мужъ желалъ и—чего? Выказывать передъ людьми мою красоту...

И къ чему же это повело?!

II.

„Послѣ свадьбы мужъ повезъ меня въ Москву, представилъ роднымъ, которыхъ было множество, знакомымъ, которыхъ было еще больше; и началась жизнь—рядъ дней непрестаннаго праздника, проведенныхъ въ безумныхъ удовольствіяхъ: балы, театры, обѣды, роскошные наряды. Деньги не жалѣлись; часу не давалось отдыху; и меня, шестнадцатилѣтнюю женщину-ребенка рѣшительно закружили до одурѣнія. Поклонниковъ у меня была тьма; но скажу истину,—они меня не очень занимали: я очень любила мужа, и онъ мнѣ одинъ нравился. Я часто даже высказывала ему свое желаніе, хоть одинъ день, хоть одинъ вечеръ посидѣть наединѣ дома. Но, въ отвѣтъ на это, онъ только смѣялся и говорилъ, что я—провинціалка, никогда не буду утонченной свѣтской женщиной и накупалъ мнѣ все больше и больше нарядовъ, ревниво слѣдя за тѣмъ, чтобы я была лучше всѣхъ одѣта. Въ угоду ему, я наряжалась, выѣзжала, кокетничала, но въ душѣ, какъ и теперь помню, у меня уже тогда запала какая

то грусть: не о такой жизни мнѣ мечталось. Мой мужъ любилъ меня, какъ нарядную красивую куклу, но не какъ жену.

Все это теперь понимается, а тогда почти неопытному ребенку только чувствовалось, что не такова должна быть жизнь счастливая... Пишу я это все, можетъ быть слишкомъ подробно, но это для того, чтобы выяснитъ наши характеры, свойства, привычки, наше безуміе и сильнѣе показать ту перемену, которая послѣ случилась съ нами.

Вотъ, такую-то жизнь мы проводили почти постоянно въ теченіи цѣлаго ряда лѣтъ. На лѣто мы выѣзжали въ деревню, но и тамъ жили почти также, всегда окруженные обществомъ. Съ каждымъ, однако, годомъ нашей супружеской жизни мнѣ яснѣе и яснѣе стали открываться дѣла моего мужа, и, наконецъ, я узнала что, хотя у насъ состояніе и большое, но долговъ еще больше. Мужъ часто занимать деньги, заставляя меня подписывать векселя, и я, движимая къ нему любовью, въ надеждѣ сильнѣе привязать къ себѣ его сердце, безпрекословно ему повиновалась. Характера онъ не былъ крутого, и я не видала отъ него оскорбленій, лишь бы только не противиться его безумію. Не было обиды, но не было и ласки. Странная была жизнь моя.... А средства, между тѣмъ, все умалялись; не стало возможности наряжать меня, какъ прежде; да и мнѣ самой все это надоѣло: я даже рада была оставить всю эту праздную, роскошную жизнь; всѣ эти выѣзды....

Во второй періодъ моей замужней жизни на мою долю выпало одной сидѣть дома, а мужъ уже одинъ сталъ продолжать вести прежнюю безумную жизнь. Онъ, кажется, часу не могъ пробыть безъ народа. Бывало, одна заря его выгонитъ, а другая вгонитъ: картежная игра его почти свела съ ума. Иной разъ выберешь часокъ поговорить съ нимъ наединѣ, начнешь убѣждать его оставить такую жизнь; онъ, какъ будто, на словахъ и согласится со мною, а тамъ—опять за карты да за долги. И счастье же было этому человѣку!—Въ самую критическую минуту, когда мы были наканунѣ разоренія, онъ неожиданно получилъ огромное наследство и снова зажилъ еще безумнѣе.

III.

„Долго не могла я привыкнуть къ холодности моего мужа ко мнѣ, равнодушіе его меня убивало. Время послѣ все передѣлало. Нашлись совѣтчики, которые смѣялись надъ моей любовью къ мужу и говорили, что жить надо иначе, что надо найти себѣ утѣшителей и что я этимъ скорѣе верну себѣ мужнюю любовь.

Стала я этому совѣту слѣдовать, но ничто не помогало, а самой мнѣ дѣлалось все тяжелѣе и тяжелѣе; мужу же моему и дѣла до меня не было: были бы карты да деньги... Безумная была жизнь наша, грѣховная, мерзкая предъ Господомъ! Мужъ игралъ-

тратилъ деньги, опять дѣлалъ долги, а я, измученная такою безоградною жизнью, одного только и искала, какъ бы забыться и заглушить свое горе.

Не для такой жизни была я рождена: душа моя жаждала тихаго семейнаго счастья, любила домашнія занятія; и съ годами я все болѣе и болѣе тяготилась тѣмъ безобразіемъ, которое меня окружало: и грызла мою душу тоска непрерывная, не всегда сознаваемая, чаще безотчетная.... Дѣтей у насъ не было: нечѣмъ было наполнить пустоту жизни. Я взяла на воспитаніе маленькую дѣвочку пяти лѣтъ; вначалѣ она мнѣ была какъ будто въ тягость, но съ теченіемъ времени сердце мое, жаждавшее привязанности, полюбило ее—милое дитя была она! Мужъ мой тоже былъ ласковъ къ ней, ничего не жалѣлъ для ея воспитанія, но и въ этомъ тщеславіе играло первую роль. Отдали мы ее замужъ, но не далъ ей Богъ счастья, и теперь ея уже нѣтъ на свѣтѣ: 25-ти лѣтъ она окончила свое земное поприще. Она счастливѣе меня—недолго помучилась!..

Отдала я воспитанницу замужъ и опять осталась одинока со своею постоянной тоскою, которая, конечно, довела бы меня не до добра.

Всего тяжелѣе для меня было то, что всю тяготу моей жизни я несла одна, не имѣя возможности никому высказать всего того, что несла двадцать пять лѣтъ. Да и кому можно было повѣдать тайну моей жизни, развѣ только избранному самимъ Богомъ?

Такъ это и случилось.

IV.

„Наше состояніе таяло съ каждымъ годомъ; долги душили. Мужъ мой самъ сталъ нерѣдко говорить, что дѣла плохи, жить трудно; а, между тѣмъ, мы продолжали жить почти все такъ же; да, правду сказать, уже трудно было помочь намъ, удержать состояніе отъ разоренія.

Наступилъ, наконецъ, и роковой нашъ день: по требованію кредиторовъ, описали имѣніе, въ которомъ мы жили. Кое-какъ отсрочили на одинъ годъ продажу.

Въ то самое время Господь вразумилъ меня ѣхать въ Оптину Пустынь. За годъ передъ тѣмъ отъ одной знакомой мнѣ монахини я услышала, какъ полезно и утѣшительно быть въ этомъ монастырѣ, который славился своими старцами и духовниками. Слушала я эти рассказы, и загорѣлось мое сердце желаніемъ ѣхать туда: видно, чувствовала моя душа, что тамъ найдетъ она свое спасеніе. Но не такъ-то скоро, какъ хотѣлось, пришлось мнѣ осуществить свое желаніе: разстояніе въ 500 верстъ раздѣляло насъ отъ Оптиной; путь былъ неизвѣстный; мужъ меня одну не отпускалъ; надо было найти вѣрную попутчицу, а такой не находилось.

Наконецъ, насталъ давно желанный день, когда я сѣла въ

экипажъ и отправилась въ Оптину Пустынь. Послѣ шести дней благополучнаго путешествія мы пріѣхали туда...

Я всегда любила монастыри, часто ѣздила на богомолье, уважала монашество; съ такимъ же чувствомъ благоговѣнія я и теперь вѣхала въ Оптину Пустынь. Съ товаркой моей мы остановились на гостинницѣ, переодѣлись, пошли ходить по монастырю, и на первыхъ же шагахъ я встрѣтила знакомыхъ мнѣ мужа и жену Тиньковыхъ, помѣщиковъ Орловской губерніи. Тинькову я знала съ дѣтства, но судьба насъ разлучила, и мы не видались съ нею болѣе десяти лѣтъ. Надо же было случиться, чтобы въ самую критическую для меня минуту я встрѣтила ее въ незнакомомъ для меня мѣстѣ!... Тиньковы уже 9 лѣтъ знали Оптину Пустынь и часто ѣздили туда къ скитона начальнику, отцу Иларіону, котораго они были духовными дѣтьми, и къ которому они относились, какъ къ своему старцу ¹⁾. Узнавъ, зачѣмъ я пріѣхала, они пригласили о. Иларіона къ себѣ на гостинницу и тамъ меня съ нимъ познакомили. Съ первой минуты понравился мнѣ старецъ: благолѣпное старческое лицо; тихая его бесѣда; смиренный взоръ—все это меня умилело и согрѣло мою душу. Тутъ мнѣ мало пришлось говорить. Тиньковы сказали о. Иларіону, что я желаю бесѣдовать съ нимъ, и онъ, прощаясь, тихо сказалъ мнѣ:

— „Ежели вамъ угодно, то пожалуйста ко мнѣ въ два часа въ скитъ“.

V.

Въ назначенное время показали мнѣ дорогу, привели въ келью, называемую „хибаркой“, гдѣ старецъ принималъ женщинъ ²⁾. Недолго мнѣ пришлось ждать. Отворилась дверь изъ коридора, и къ намъ вынелъ отецъ Иларіонъ. Принялъ онъ насъ весьма радушно. Не прошло и пяти минутъ, старецъ сказалъ провожавшимъ:

— „Оставьте насъ однихъ!“

Всѣ вышли изъ хибарки, и мы остались вдвоемъ.

Вначалѣ онъ довольно церемонно попросилъ меня сѣсть. Началась бесѣда.

Первый его вопросъ былъ:

— „Съ какою цѣлью вы пріѣхали сюда? Скажите мнѣ откровенно“.

Когда я объяснила, что моя душа жаждетъ покаянія и что я желаю снять съ нея все, что тяготитъ ее многіе годы, я замѣтила, что старецъ сталъ говорить со мною по-иному; и, истинно

¹⁾ По кончинѣ Оптинскаго старца, о. Макарія, часть его духовныхъ дѣтей обратилась за духовнымъ окормленіемъ къ о. Иларіону, а остальные къ о. Амвросію.

²⁾ Внутрь скита входъ женщинамъ воспрещенъ.

говорю: не прошло и двухъ часовъ, я сидѣла уже не на креслѣ, какъ свѣтская молодая дама, а почти лежала у ногъ старца. Душа моя встрепенулась, и съ той минуты я только одного жаждала— это открыть всю скверну, которою она омрачена была столько лѣтъ. У меня было такое желаніе высказать все, что мнѣ казалось,—я никогда не успѣю излить всего, что такъ долго душило меня. Четыре дня, утромъ и вечеромъ, я приходила въ скитъ и по нѣсколько часовъ бесѣдовала съ дорогимъ отцомъ. Незабвенными для меня остались эти благодатные часы! Клянусь Богомъ, что въ это время я чувствовала свое духовное возрожденіе! Во снѣ мнѣ не снилось, чтобы подобные люди были на землѣ, какъ тотъ ангель-старецъ, котораго я видѣла передъ собою. Съ какою любовію, снисхожденіемъ, терпѣніемъ выслушивалъ онъ всю горькую повѣсть жизни моей!....

Нелегко обличать себя передъ постороннимъ человѣкомъ; хочется ли открывать свои немощи? Вѣдь, правда—стыдно и неловко? Но, увѣряю, тутъ иное дѣло было. Съ любовью говорилось все; чувствовалось, что при каждомъ открытомъ грѣхѣ, душа получала отраду неземную, и слезы, сладкія, благодатныя слезы лились у меня рѣкою. Любвеобильный старецъ утѣшалъ меня. Его всеобъемлющая любовь въ такое короткое время такъ сѣумѣла меня привязать къ нему, что все мое прошлое показалось мнѣ сномъ; одно бы его слово, и я никогда бы не вернулась домой....

Восемь дней я прожила въ Оптиной Пустыни. Надо было возвращаться. Съ какимъ тяжкимъ чувствомъ, близкимъ къ отчаянію, я стала собираться въ путь! Не было мѣры моимъ слезамъ. Старецъ утѣшалъ обѣщаніемъ, что я опять скоро буду у него. О, какъ хотѣлось мнѣ этому вѣрить, какъ трудно вѣрилось!

— „Перемѣнись сама!“—говорилъ мнѣ батюшка: „оставь прежнюю свою жизнь: мужъ увидитъ твою перемѣну, и самъ пожелаетъ пріѣхать къ намъ“.

Я уѣхала.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ДИВНЫЙ ПАСТЫРЬ.

(О случаяхъ прозорливости о. Іоанна Кронштадтскаго).

Куда ни пріѣдешь, съ кѣмъ ни поговоришь, лишь вспомнишь о великомъ молитвенникѣ отцѣ Іоаннѣ Кронштадтскомъ, оставившемъ нашу грѣшную землю, взоръ собесѣдника затуманивается, голосъ прерывается и нерѣдко крупная слеза выпадетъ изъ глазъ.

Сиротливо чувствуется безъ добраго батюшки. Кому дорога Церковь, кто отъ души любитъ ее, тотъ постигаетъ тяжесть утраты. Не стало благодѣтеля, отца, милостивца, который не

только шель исполнять просьбы людей, но даже угадывалъ намѣренія ихъ и радъ былъ послужить всякому человѣку.

Казначей Исаковской пустыни, Ярославской губернии, Магдалина разсказываетъ случаи изъ своей жизни, которыя заставили ее видѣть въ о. Іоаннѣ великаго молитвенника и прозорливца.

„Когда я жила въ семьѣ своихъ родителей въ Ярославлѣ, однажды шла по набережной рѣки Волги, вдругъ на меня налетаетъ, буквально налетаетъ какая-то барышня и съ восторгомъ говоритъ: „сегодня съ поѣздомъ прибудетъ въ Ярославль о. Іоаннѣ.“

Я поняла, про кого говорить она. Не медля ни минуты я поспѣшила домой, чтобы объявить эту столь важную новость. Мать моя была тогда нездорова. Недугъ ея пугалъ насъ. Доктора не помогали. У матери на груди были нарывы и она очень страдала.

— Я поѣду, я хочу видѣть батюшку и просить его молитвъ, вотъ что сказала мать, когда объявила я ей радостную вѣсть.

— Надежды мало видѣть, замѣтила я, массы народа не позволяютъ добраться тебѣ до батюшки. Напрасно ѣхать.

— Поѣду, стояла на своемъ матушка.

Пріѣзжаемъ на вокзалъ. Людей цѣлое море. Но вотъ чудо. Мою мать больную пропускаютъ въ вагонъ батюшки, она проситъ его молитвъ, принимаетъ благословеніе.

— По вѣрѣ твоей будетъ дано, сказалъ о. Іоаннѣ матери.

Успокоенная и радостная вернулась больная домой. Вскорѣ же послѣ этого мать совершенно выздоровѣла.

Черезъ нѣкоторое время о. Іоаннѣ Кронштадтскій опять пріѣхалъ въ Ярославль.

Нашему семейству весьма хотѣлось принять его въ своемъ домѣ. Но мало надѣялись мы на это счастье. Куда ужъ нынѣ звать такого батюшку, говорили и думали мы. Его нарасхватъ приглашаютъ богачи и знатные люди.

Я рѣшилась однако идти въ одинъ домъ, гдѣ долженъ былъ о. Іоаннѣ служить молебень. Прихожу туда, масса народа. Пріѣзжаетъ батюшка, проникновенно служитъ, молится. Я встала въ сторонкѣ, потерявъ рѣшительность высказать батюшкѣ свою просьбу.

И вотъ о. Іоаннѣ подходитъ ко мнѣ и говоритъ: „а ты, сестра, что ничего не скажешь“.

У меня вдругъ явилась смѣлость и я высказала то, зачѣмъ пришла, высказала горячее желаніе видѣть его въ родномъ домѣ.

Чудный, добрый батюшка согласился и мы были всѣ осчастливлены его ласкою...

У большого дома, у подъезда, стояла громадная толпа народа. Ждали выхода о. Іоанна. Вотъ онъ съ радостнымъ лицомъ, любящими, добрыми голубыми глазами. Я устремила свой взоръ на него и думала: „прощай, дорогой батюшка, благослови меня!“

Когда о. Іоаннѣ проходилъ мимо меня, повернулъ ко мнѣ лицо свое и сказалъ: „прощай, сестра, Богъ тебя благословитъ“.

Помолись за меня, подвижникъ Божіи, предъ престоломъ Владыки, Которому ты предстоишь“, молитвенно закончила свой рассказъ смиренная инокиня.

Иеромонахъ Неофитъ.

МАТЕРЬ МИЛОСЕРДІЯ ¹⁾.

Меня пригласили къ больной женщинѣ Аннѣ Никифоровой побесѣдовать съ нею о загробной жизни и умирить ея мятущійся духъ. Больная лежала въ подушкахъ; впавшіе глаза, посинѣвшее лицо говорило о томъ, что она не жилица на бѣломъ свѣтѣ. „Тяжело мнѣ, горькая доля моя, говорила страдалица, много дѣтъ я въ недугѣ, въ тягость стала всѣмъ“. Желая успокоить больную, я вручилъ ей образокъ преп. Серафима Саровскаго и воды изъ источника Саровскаго небольшую бутылочку, сказавъ, что новоявленный Угодникъ такъ добръ, такъ милостивъ, что облегчить ея скорби и немощи. Принявъ образокъ, больная облобызала его и залилась горячими слезами.

Я находился въ недоумѣніи, почему такъ сильно плачетъ страдалица. Дѣло скоро выяснилось.

— „Великая я грѣшница, съ плачемъ говорила больная, какъ я поносила, хулила, несчастная, великаго Угодника Божія; я не выносила имени его, я не могла слышать рассказовъ о его чудесахъ, осмѣивала, даже ругала тѣхъ, которые прославляли святаго. Вотъ Настя знаетъ, указала она на сестру.

Сестра—молодая дѣвушка, стоявшая у изголовья больной, знакомъ головы съ грустнымъ видомъ подтвердила слова несчастной.

— Я грѣшница послушала рѣчи одного молодого человѣка, у котораго отецъ былъ еврей и перекрестился въ нашу вѣру. Онъ часто приходилъ къ моему мужу, вечера цѣлые проводилъ съ нами, гость издѣвался надъ старцемъ Серафимомъ Саровскимъ, говорилъ, что и мощей никакихъ нѣтъ, поддѣлка одна, что прославленіе отца Серафима понадобилось Правительству изъ политическихъ видовъ.

И я грѣшная не стала почитать Угодника. Да что это... Я и вѣру потеряла въ Бога, и Церковь забыла, сдѣлалась совсѣмъ отчаянной.

Богѣла я тогда. Ходила къ докторамъ. Пользы было мало. Но я находила утѣшеніе до знакомства съ этимъ невѣромъ изъ евреевъ въ молитвѣ, въ храмѣ Божіемъ, въ исповѣди. Помолишься, бывало съ вѣрою объ облегченіи болѣзни и Господь подкрѣплялъ; легче дѣлалось и на душѣ веселѣе.

— Что, смѣялся надо мною невѣръ помогаетъ тебѣ Богъ-то

¹⁾ Рассказъ больной, слышанный изъ устъ ея кромѣ автора еще протоіереемъ о. Аннодоромъ Малшинымъ и священникомъ о. Александромъ Дмитріевскимъ.

твой? Усердно, вижу, ты молишься Ему, крѣпко надѣешься на него, просишь, а пользы нѣтъ. Болѣзнь удручаетъ тебя по-старому. Видно Богъ-то не слышитъ. Да есть ли Богъ-то; если бы Онъ былъ, услышалъ бы. Вѣдь Бога то люди выдумали, люди, которымъ выгодно это!..

Потомъ гость нашъ начиналъ говорить о Христѣ Спасителѣ, о Божіей Матери, такія рѣчи, что теперь и повторять страшно, а ранѣе слушала я ихъ охотно.

И вотъ я, несчастная, перестала вѣрить въ Бога, смѣялась надъ всѣмъ священнымъ, и даже крестъ сбросила съ себя, тотъ крестъ, который возложенъ былъ на меня при крещеніи.

Лечиться я не переставала. Часто ходила въ больницу на перевязки. Болѣзнь не прекращалась.

Больная опять сильно заплакала; она вспомнила, какъ родные жалѣли ее, умоляли оставить заблужденіе, припасть къ стопамъ Цѣлительницы-Матери Милосердія, какъ та Настя, что стоитъ теперь у ея изголовья, крестила ее сзади, когда она собиралась уходить куда нибудь изъ дома, какъ она ругала, безумная, тогда сестру, замѣтивъ ея движеніе сдѣлать крестъ...

Болѣзнь продолжалась, а вмѣстѣ съ нею росла тоска, ужасная тоска, доходившая до отчаянія, — „Что меня могло утѣшить въ моемъ горѣ? Не было у меня просвѣта надежды. А прежнее средство примиренія съ несчастіемъ уже не существовало, молитва забыта, она — въ презрѣніи. Я совсѣмъ слегла. Родные страдали за меня и вмѣстѣ со мною. Я видѣла, какъ имъ было тяжело, особенно потому, что я забыла Бога. Они, придя изъ храма послѣ литургіи, осторожно заговаривали при мнѣ о религіозныхъ вопросахъ. Я прислушивалась. Однажды старшая сестра пришла ко мнѣ послѣ ранней обѣдни и принесла мнѣ просфору, вынутую за мое здоровье—при ея словахъ я усмѣхнулась—и листочикъ Троицкій съ изображеніемъ Божіей Матери, врученный сестрѣ вмѣстѣ съ просфорой церковнымъ старостой.

Листочикъ я прочитала, а изображеніе Божіей Матери какъ то привлекло особенно мое вниманіе. Я скоро заснула... И вижу сонъ... Вижу, какъ живу, Матерь Божію, Она кротко смотритъ на меня, на рукахъ у Нея Младенецъ. Я стараюсь посмотреть на лицо Младенца, но Онъ отвертывается отъ меня, не хочетъ показать лицо Свое. Какъ ни старалась, не могла увидѣть Богомладенца. Я проснулась, проснулась съ самымъ тяжелымъ чувствомъ.

Не я ли сама отверглась Спасителя Иисуса Христа, не я ли, несчастная, сбросила съ себя крестъ святой? Чего я достойна? Господь и отвернулся отъ меня.

Слезы стали душить меня, слезы душевной тоски. И вспомнилось мнѣ, какъ легко, покойно жилось, какъ легко было даже

во время самыхъ сильныхъ приступовъ болѣзни, когда я вѣрила въ Бога, молилась Ему. Что сдѣлала я, оставивъ Бога и Церковь? Какое нечестіе, безумство! И Богъ отступился отъ меня...

Слезы раскаянія въ моемъ великомъ отступленіи облегчили, успокоили меня. Я рѣшила тотчасъ же исповѣдаться въ своихъ великихъ грѣхахъ. Приглашенъ былъ приходскій священникъ, я исповѣдалась искренно предъ нимъ и причастилась Св. Таинъ. Мнѣ сдѣлалось легче. Все же мысль о моемъ глубокомъ паденіи не оставляла меня.

Прошло нѣсколько дней. Разъ я забылась: вижу обширную поляну, она покрыта зеленой травой, цвѣты на ней виднѣются разные: голубые, красные, бѣлые. Посреди поляны поставленъ столъ, а за нимъ сидитъ Жена необыкновенной красоты, Ея ласковый взоръ обращенъ на меня.

Я чувствую, что мнѣ надо держать какой-то трудный экзаменъ—вѣдь я думала, прибавила больная, что смерть скоро, какой-то отвѣтъ дамъ грѣшница предъ Богомъ, Котораго такъ жестоко оскорбила. Экзаменъ выдержать не надѣюсь. Я подошла къ столу, припала къ плечу любвеобильной Жены и заплакала; чувствую, что отъ слезъ моихъ сдѣлалась мокрою Ея одежда.

Долго я плакала. Хорошая жена взяла одну изъ множества красныхъ ягодъ, въ родѣ земляники, которыя лежали на столѣ, и подала мнѣ, велѣвъ съѣсть.

Я взяла ягоду и съѣла. Она была необыкновенно пріятнаго вкуса, такъ сладка, что невозможно и словами передать.

Я сразу проснулась. Что за радость и миръ чувствовалась въ душѣ моей! Я точно обновилась. Послѣ этого я пригласила священника, исповѣдалась и особоровалась. Теперь выздоровленія я не жду. Прости, Господи, мои великія согрѣшенія. Мнѣ очень хочется знать, что будетъ съ душой по смерти, и о томъ, какъ лучше подготовить себя къ будущей жизни.

Я поговорилъ съ больной о томъ, какъ учить Церковь о загробной жизни и передалъ небольшую о семъ книжку.

Черезъ недѣли полторы больная скончалась. Рассказываютъ, что кончина ея была замѣчательно мирная. Больная съ утра просила зажечь лампадку предъ иконою Божіей Матери, упросила мужа не уѣзжать на работу. Въ полдень она сказала мужу: „какъ я утомилась“. Больная закрыла глаза и уснула вѣчнымъ сномъ. Матерь Милосердія исходатайствовала ей предъ Сыномъ Своимъ мирную кончину.

Иеромонахъ Неофитъ.

.....